

Функциональность гоголевских цитат в прозе М.А. Булгакова

© Е. С. ИВАНОВА

В статье рассматривается использование точных и варьированных гоголевских цитат в произведениях М.А. Булгакова. Автор прослеживает специфику использования гоголевских прецедентных феноменов в ранней прозе М.А. Булгакова.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, Н.В. Гоголь, цитата, эпитафия, прецедентный феномен, культурный диалог.

The article is devoted to the problem of using accurate and varied quotations from the works of Gogol in the texts of M.A. Bulgakov. The author traces the specifics use of Gogol's precedent phenomena in the early prose of M.A. Bulgakov.

Key words: M.A. Bulgakov, N.V. Gogol, quote, epigraph, precedent phenomenon, a cultural dialogue.

Использование цитат из текстов Н.В. Гоголя для М.А. Булгакова было особенно важным, потому что «слово» Гоголя афористично, наполнено мудростью и жизненным опытом.

О.С. Дергилева в статье «Гоголевские цитаты у М.А. Булгакова» верно отмечает: «Крылатые выражения, цитаты из произведений Гоголя довольно свободно переносятся в новые контексты и гармонично адаптируются к ним, сохраняя свою экспрессию. При этом значительно активизируются их функциональные возможности» [1. С. 37]. Вхождение гоголевских цитат в булгаковский текст происходит естественно и непринужденно. Конечно, приспособляясь к другому контексту, цитата может и не воспроизводиться дословно, претерпевать некоторые изменения, но узнаваемость выражения неизменно сохраняется.

В 1922 году Булгаков написал «поэму в X пунктах» «Похождения Чичикова», своеобразное «продолжение» истории гоголевских «мертвых

душ» в XX веке. Поэма проникнута восхищением гоголевскими русскими сатирическими типами, точными, яркими, вневременными. Писатель не меняет характеров героев, так тонко подмеченных Гоголем, но, достигая гротескного и трагического эффекта [2], раскрывает их в новой обстановке: в период становления новой России, в эпоху, по его словам, «торгового Ренессанса».

Гоголевскую цитату в качестве эпиграфа Булгаков поместил без прямого указания на ее источник:

«— Держи, держи, дурак! — кричал Чичиков Селифану.

— Вот я тебя палашом! — кричал скакавший навстречу фельдъегерь, с усами в аршин. — Не видишь, леший дери твою душу, казенный экипаж» [3. С. 230].

Автор «Похождений Чичикова» таким образом ведет словесную «игру» с читателем: узнаваемые герои и ситуация должны намекнуть на начало очередного приключения, новой аферы. Включение в эпиграф именно строк, описывающих движение брички Чичикова, перекликается с появлением героя, летящего в автомобиле по Советской России: «Пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нем по московским буеракам», возникает Павел Иванович в России спустя более полувека [Там же].

Кроме того, в эпиграфе содержится символическая картина «столкновения» человека и государства, условными образами которых выступают бричка Чичикова и казенный экипаж. В этом отражается основная проблема фельетона как сатирической повести.

Эпиграф к «Похождениям Чичикова» — это символическая встреча писателей-сатириков Гоголя и Булгакова, борющихся за общую идею искоренения социального зла и нравственных пороков русского человека.

С помощью гоголевской цитаты-ретроспекции (Е.А. Козицкая) [4] Булгаковым подчеркивается сходство эпохи XX века с предыдущей исторической эпохой: то, что происходило в гоголевской России, происходит и во времена НЭПа, и будет продолжаться, пока общество не искоренит зло внутри себя, а это, по Булгакову, почти невозможно.

Использование гоголевской крылатой фразы «Какой русский не любит быстрой езды?!» необходимо Булгакову для создания комической ситуации: «Какой же русский не любит быстрой езды?! Любил ее и Селифан, и поэтому при самом въезде на Лубянку пришлось ему выбирать между трамваем и зеркальным окном магазина» [С. 37–38]. Если гоголевский контекст, содержащий данное выражение, звучит как гимн непознанной и таинственной русской душе, быстрой, непобедимой, гордой России, то в фельетоне Булгакова данное выражение звучит комически. Даже кажущаяся простота характера кучера Селифана в «Мертвых душах» в булгаковском тексте перестает казаться естественной: автор

утрирует это качество характера гоголевского персонажа. Сменивший лошадь на автомобиль, Селифан будто сам становится «механическим» героем, действующим почти бездумно, как пьяный.

Другое отмеченное Дергиловой О.С. включение в новые семантические отношения гоголевского выражения «пошла писать губерния» в «Похождениях Чичикова» Булгакова представляется в целом верным наблюдением, но требующим уточнения. Исследователь подчеркивает, что у Булгакова данная крылатая фраза получает значение «развивать необычайно активную деятельность»: «Влип в дело Ноздрев, оказались замешанными и сочувствующий Ротозей Емельян, и беспартийный Вор Антошка, открылась какая-то панاما с пайками Собакевича. *И пошла писать губерния!*» [1. С. 38]. Действительно, булгаковская фраза имеет мало общего с ее первоначальным значением «завязывать бесконечную переписку по какому-либо делу», но она не стоит в оппозиции к гоголевскому употреблению. У Гоголя фраза связана с тем же значением активного движения, недаром ей предшествует выражение «все поднялось и понеслось...» [5. С. 156]. Различие прослеживается лишь в восприятии этого «движения» гоголевским Чичиковым и Чичиковым, описанным Булгаковым: для героя «Мертвых душ» движущаяся вереница людей и вещей соотносится с неразгаданной загадкой, кто является автором письма к нему, а в фельетоне «Похождения Чичикова» эта фраза ассоциируется, напротив, с открытием ранее неизвестных фактов. Здесь цитата выполняет сатирическую функцию, способствует развенчиванию персонажа.

Очевидно, что Булгаковым сохраняется значение «необычайно активной деятельности», которое вложил в выражение «пошла писать губерния» Гоголь. Меняется лишь контекст употребления: *намерение* гоголевского героя раскрыть тайну, но невозможность реализации желаемого и *случайность* открытия фактов, о которых не желали говорить, в произведении писателя XX века.

В 1924–1925 годах Булгаков пишет несколько художественно-публицистических фельетонов и рассказов, эпиграфами к которым делает вновь строки из произведений Гоголя. Но первоначального «унисонного» звучания с гоголевским «словом» уже не обнаруживается, а намечается отталкивание от смысла оригинальной цитаты или ее трансформация и адаптация к условиям новой художественной реальности.

Легко заметить, что «строки из Гоголя довольно часто возникают в качестве эпиграфов к юмористическим рассказам Булгакова. Он любит начинать повествование с эпиграфа, который служит для определения темы повествования, влияет на весь текст. Так, высмеивая в рассказе “Повесили его или нет” (1924) бытующую в советское время бумажную волокиту, автор использует модель гоголевского крылатого выражения “Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской

ночи!» – «Знаете ли вы, что такое волокита. Нет, вы не знаете» [1. С. 38].

Сохраняя гоголевскую интонацию в эпиграфе, Булгаков задает определенный тон всему произведению. Но важно подчеркнуть, что затронутая писателем актуальная социальная проблема реализуется отнюдь не «по-гоголевски»: автор, конечно, позволяет читателю самому сделать вывод по проблеме, затронутой в тексте, но очевидна авторская оценка, которая звучит в подзаголовках к письмам, в комментариях, прочно «слитых» с текстом. Например, так описывает начальника станции, сочинявшего письмо: «отчаянно пишет...и от страха превращается в подписи из Козакила в Козелкова» [С. 433]. Или дает попутные комментарии и оценки: «И это через месяц», «Крышка! Нету...», «Делать ему больше ничего не остается, как опять податься в местком», «Мерси», «Повесили ли, в конце концов, колдоворот? Может быть, и повесили... А может быть, и не повесили. И даже вернее, что нет» и т.д.

Подобное открытое выражение авторской позиции определяется художественно-публицистическим жанром произведения – фельетоном. Поэтому видоизменение гоголевского выражения вполне оправданно. Трансформированная цитата служит для обозначения темы фельетона, подчеркивания злободневности социальной проблемы.

Булгаков в своем творчестве использует, кроме известных цитат, еще и малоизвестные гоголевские выражения. В этом случае авторство Гоголя всегда указывается, поскольку читателю, особенно непрофессиональному, будет трудно распознать источник.

Безусловно, это актуализирует гоголевское «слово», но главное все же в том, *что* дает цитата тому тексту, в который она помещена. В булгаковской прозе, как правило, использование «непопулярных» гоголевских цитат служит для акцентировки внимания на определенных «приметах» современной писателю исторической эпохи, а также для подчеркивания и соотнесения этих характеристик с национальным прошлым.

Так, фельетон «Звучи польки неземной» (1924) предваряется цитатой из поэмы «Мертвые души» Гоголя: «Нет, право... после каждого бала как будто грех какой-то сделал. И вспоминать о нем не хочется» [С. 497]. Это неточная цитата из поэмы, звучащая в оригинальном варианте в контексте размышлений Павла Ивановича Чичикова о неприятии русской натурой традиции балов: «Кричат: “Бал. Бал, веселость!” – просто дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре <...> Все из обезьянства, все из обезьянства! Что француз в сорок лет такой же как ребенок, каким был и в пятнадцать, так вот давай же и мы! Нет, право... после всякого бала точно как будто грех сделал; и вспомнить даже о нем не хочется. В голове просто ничего...» [5. С. 497. Курсив наш. – Е.И.]

Булгаков писал о бестолковости подобных светских вечеров, проявляя солидарность во мнении со своим литературным предшественником.

Музыка, танцы, выпивка, пустые и деловые разговоры сливаются воедино, порождая хаос действий и мыслей. Не случайно присутствующие на балу сравниваются автором с нечистой силой: «В зале, как на шабаше, металась нечистая сила» [С. 498].

Если обратиться к тексту-источнику, из которого взят эпиграф к фельетону, то можно заметить, что чичиковское высказывание, частично заявленное в эпиграфе, реализуется в булгаковском тексте в образах участников бала. Чичиков размышляет: «Ну если бы, положим, какой-нибудь писатель вздумал описывать всю эту сцену [бал] так, как она есть? Ну и в книге, и там была бы она так же бестолкова, как в натуре. Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? Просто черт знает что такое!» [5. С. 167]. Этим «каким-нибудь писателем» стал Булгаков, описавший в фельетоне «Звуки польки неземной» сцену бала. Полусознательные реплики персонажей, неловкие движения, туман — все это создает эффект творящейся чертовщины.

Использование малоизвестной гоголевской цитаты вызывает интерес к претексту. Обращение же к тексту-источнику позволяет расшифровать смысл запечатленной Булгаковым картины бала: бестолковое, глупое занятие. Бал, потерявший свое культурно-развлекательное назначение на русской почве, превратился в безнравственное и пустое занятие, о котором «и вспоминать... не хочется».

В рассказе «Сапоги-невидимки» (1924) два эпиграфа создают возможность диалога писателей разных эпох. Построенный на каламбуре из двух цитат — гоголевской и булгаковской, — эпиграф задает настроение и тон последующего текста:

«А позволь спросить тебя: чем ты намазываешь свои сапоги, смальцем или дегтем?

Из Гоголя.

Поди ты в болото, кум! Ничем я их не смазываю, потому что у меня их нету!

Из меня» [С. 448].

Уже до начала повествования читателю становится ясно, что «сквозь видимый миру смех и невидимые миру слезы» в рассказе будет развиваться история «маленького человека» Петра Хикина.

Эпиграф, кроме выполнения основной функции — определения темы и основной мысли произведения, является еще и платформой для создания культурного диалога писателей, сатирически обнаруживая разницу эпох, в которые они жили.

В рассказе «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» (1924) Булгаковым используется прием отстранения: автором писем-записок является провинциальный корреспондент

Капорцев. Герой описывает удивительные, по его мнению, социальные происшествия, над которыми рассуждает и которые комментирует.

В третьей корреспонденции «Ванькин-дурак» автор прибегает к использованию известного гоголевского выражения «Чуден Днепр при тихой погоде», которое вступает в «игровое» отношение с последующим текстом.

Языковая игра строится на основе каламбура, который, в свою очередь, «создается в результате повторения синонимических слов *чуден* («чудный» — «прелестный», «очаровательный») и *чуднее* («чудной» — «странный, удивляющий своей необычностью»)»: «Чуден Днепр при тихой погоде, но гораздо чуднее наш профессиональный знаменитый работник 20-го века Ванькин Исидор, каковой прилип к нашему рабклубу, как банный лист» [С. 38]. Не только каламбур способствует формированию комичности, но и перекодировка смысла, заложенного в тексте Гоголя.

Гоголевское крылатое изречение «служит материалом для развертывания фабульной ситуации» [Там же. С. 39]. Это не вызывает сомнений, но стоит обратить внимание также и на расположение цитаты относительно всего текста — ею начинается «корреспонденция». Постановка цитаты в начало (в первое предложение) текста расширяет ее функциональность: она начинает осуществлять функцию определения темы (рассказать об Исидоре Ванькине) и основной мысли (показать, в чем состоит чудачество героя). Выполняя дополнительные функции, цитата обнаруживает в этом ключе сходство с эпиграфом, также предваряющим текст и определяющим тему.

Гоголевское выражение «Чуден Днепр...» обыгрывается Булгаковым и в фельетоне «Удачные и неудачные роды» (1925), где аналогичным образом выстраивается каламбур из слов *чудный* — *чуднее*: «Чуден Днепр при тихой погоде, но гораздо чуднее Московская участковая страхкасса М.-Б. Балт.ж.д.» [1. С. 39]. Подобно употреблению цитаты в «Золотых корреспонденциях...», происходит ее реализация в «Удачных и неудачных родах»: цитата располагается в первом предложении, что задает особый, «юмористический» тон всему произведению, ею определяется тема и основная мысль.

В контексте сравнения и объединения по схожести двух произведений — рассказа «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» и фельетона «Удачные и неудачные роды» — можно говорить о подчеркивании Булгаковым «чудаковатости» не только отдельного человека, но и целых групп людей, целых организаций, что рождает ассоциацию с «чудным» миром, полным нелепостей и удивительных вещей и ситуаций. «Переработанные» гоголевские прецедентные феномены, «культурные скрепы», в терминологии Л.И. Гришаевой [6], используются Булгаковым для подчеркивания абсурдности характера эпохи XX века, над явлениями которой писатель смеется гоголевским «смехом сквозь слезы».

В «Двуликом Чемсе» (1925) с неточной гоголевской цитаты начинается повествование: «Я пригласил вас, товарищи, — начал Чемс, — с тем, чтобы сообщить вам пакость...» [С. 547]. Воспроизведение гоголевского выражения не искажает смысла сказанного и сохраняет узнаваемость цитаты из «Ревизора» Н.В. Гоголя: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие...».

Гоголевское «включение» создает определенный фон для развертывания сюжета фельетона. За счет «культурной отсылки» Булгаков, безусловно, расширяет семантику текста.

В первой части фельетона «ревизором» является сам Чемс, выискивающий автора писем с жалобами на начальство. Но уже в следующей части происходит смена роли «ревизора»: им становится некий корреспондент, а Чемс превращается в основной предмет «ревизского» внимания. Именно тогда происходит второе «включение» гоголевской цитаты в булгаковский текст. Из уст Чемса звучит известное, ставшее традиционным, выражение городничего о двух крысах: «То-то мне всю ночь снились две большие крысы...» [С. 549].

Герой, соотносящий приезд корреспондента с появлением крысы, сам, по сути, является второй крысой, так как выполняет ту же «инспектирующую» роль по отношению к своим подчиненным.

Гоголевская цитата воспроизводится в редуцированной форме, но при этом сохраняется ее смысл [8]. Чемсу «приписываются» не только слова гоголевского городничего, что уже является поводом к сравнению их характеров, но в реплике булгаковского героя угадываются и слова Артемия Филипповича Земляники: «...не было печали!» (Двуликий Чемс) — «Вот не было заботы, так подай!» (Ревизор).

Булгаковский Чемс выступает собирательным образом гоголевских типов, выведенных на страницах комедии «Ревизор». Адаптированные к новому контексту, гоголевские цитаты звучат по-новому, актуально. Они являются не только материалом для сюжетного развития, но с их помощью реализуются экспрессивно-оценочная, референтивная и характерологическая функции.

Постановка Булгаковым гоголевского «слова» в начало текста приближает цитату к эпиграфу. К фельетону «Как бутон женился» (1925) эпиграфом «...не хочет ли барин жениться?» служит неточная цитата из «Женитьбы Гоголя: «Не думает ли барин жениться?».

Гоголевская цитата в новом художественном контексте эпохи середины 1920-х годов обретает особую язвительность. В сочетании двух эпиграфов — выписки из заметки рабкора о том, что только женатые могут получить «провизионку», и цитаты из «Женитьбы» — рождается булгаковский глум. Он смеется над государственной системой, в которой ущемляется человек, его насущные потребности.

С помощью гоголевских «включений» писатель XX века осмеивает «приметы» своего времени, своей исторической эпохи, в которой обесценивается человеческая личность. Гоголевские прецедентные цитаты используются Булгаковым в основном в «малых» творческих жанрах юмористического и сатирического характера. Они появляются в тексте в качестве материала, на котором строится фабула произведения (Похождения Чичикова, Двухликий Чемс). С их помощью возникает авторская «игра» со смыслами, выражая сатирическое обличение действительности (Золотые корреспонденции Феропонта Феропонтовича Капорцева, Удачные и неудачные роды, Повесили его или нет?).

Используя гоголевские прецедентные феномены в своих текстах, а также в качестве эпиграфов, Булгаков высвечивает насущные проблемы современности, бюрократизм, бестолковость социального устройства в России. Сочетая несколько эпиграфов, он словно ведет диалог с Гоголем, символизирующим ушедшую эпоху (Сапоги невидимки, Как Бутон женился). Построенные на каламбуре, эпиграфы изначально создают особую сатирическую атмосферу произведений.

Литература

1. *Дергилева О.С.* Гоголевские цитаты у М.А. Булгакова // Русская речь. № 4. 2012. С. 37–39.
2. *Иванова Е.С.* Сон как способ символической репрезентации действительности (на материале повестей Н.В. Гоголя «Нос», «Невский проспект», «Портрет», «Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть» и романов М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», пьесы «Бег», фельетона «Похождения Чичикова») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–2 (46) С. 86–90.
3. *Булгаков М.А.* Собр. соч. В 5 т. М., 1989. Т. 2. Далее указ. только стр.
4. *Козицкая Е.А.* Цитата в структуре поэтического текста. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
5. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 7 т. М., 1978. Т. 5.
6. Феномен прецедентности и преемственность культур / ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попов, В.Т. Титов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004.
7. *Иванова Е.С.* Традиции Н.В. Гоголя в творчестве М.А. Булгакова: сон о двух крысах // Вестник Майкопского гос. технолог. ун-та. 2015. № 1. С. 62–65.

*Тамбовский государственный
технический университет*